

**Василий
ВОРОН**

Шаги по воде

18+

Василий Ворон

Шаги по воде

«Автор»

2019

Ворон В.

Шаги по воде / В. Ворон — «Автор», 2019

В повести «Шаги по воде» рассказывается об уникальном эксперименте, на который был обречен наш ученый-современник, отброшенный на многие века назад и его путь: путь философа, мистика, колдуна. Путь Учителя. Ему пришлось носить многие имена, ныне весьма известные. Он прошел сквозь Время, оставив удивительный и трагичный след на этой земле. Spin-off (ответвление) романа «Обращенный к небу», предыстория одного из главных героев по имени Вежда.

© Ворон В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

17 (предисловие)	6
1 (Один)	9
2 (Два)	12
4 (Четыре)	16
6 (Шесть)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Василий Ворон

Шаги по воде

«Только воин¹ способен выстоять на пути знания. Ибо искусство война состоит в нахождении и сохранении гармонии и равновесия между всем ужасом человеческого бытия и сказочным чудом того, что мы зовем «быть человеком»

Дон Хуан – Карлосу Кастанеде

«Да в силах ли понять я, каково это: быть ограниченно всемогущим? Когда умеешь все, но никак, никак, никак не можешь создать аверс без реверса и правое без левого... Когда все, что ты имеешь, и можешь, и создаешь доброго, – отягощено злом?.. Вселенная слишком велика даже для него, а время все проходит, оно только проходит – и для него, и сквозь него, и мимо него...»

Братья Стругацкие

---

¹ В данном контексте понятие «воин» не является синонимом слова «солдат»; в книгах Кастанеды воином назван человек, стремящийся к Свободе, Истине, принимающий вызов Вечности (здесь и далее примечания автора)

17 (предисловие)

Когда «шарахнуло» второй раз, я был уже на минус девятом уровне. Само собой, лифтами пользоваться было уже невозможно, и я продолжил восхождение по лестнице. Но уже на седьмом этаже понял, что вырваться не удастся: лестничный марш был разворочен, всюду дымило, и обломки элеватора уже лизали языки пламени.

В тот момент я решил, что это конец... Глупо. В собственном институте... Никогда бы не подумал.

Конечно, можно было отсидеться на самом нижнем, минус двадцатом уровне. Но реактор... Странно, что он еще... Поэтому необходимо было добраться до КЩ – «Контрольного Щита». Заглушив реактор, можно было надеяться на спасение. Причем ядерный взрыв – это не самое страшное, как ни парадоксально. Дело в том, что при ядерном взрыве произойдет детонация *второго реактора*, под самым Куполом. Так он вполне безобиден и даже полезен, но вот при воздействии радиации, потока гамма квантов и нейтронов... Именно об этом предупредил приснопамятный профессор Дулевич, пока еще был жив. И именно поэтому необходимо было добраться до КЩ. В противном случае – дело времени, не более.

Минус четвертый и пятый – уровни, где установлен реактор. КЩ на минус первом. Пометавшись по коридору седьмого этажа, где равнодушно белели двери лабораторий физиологов, я снова сунулся на лестницу и окончательно убедился – этот путь к спасению исключался полностью. Оставались шахты лифтов.

Раздвинув створки с помощью хоть на это сгодившегося пожарного топора, я заглянул в шахту грузового лифта. Аварийную лесенку, бегущую по одной из стен я увидел сразу, но, посмотрев вверх, ужаснулся: ад разверзся прямо над моей головой. Значит, первый взрыв произошел возле складов, и надежда оставалась только на три пассажирских лифта.

...Я даже не стал открывать створки дверей: они были раскалены, и сквозь них можно было слышать, как гудит пламя.

Все. Конец...

Вот тогда я и подумал об Установке. А что? Минус десятый уровень, тишь да гладь, будто и не полыхает нигде. Если еще не рванул реактор, значит, можно попытаться. И проверить, наконец, *мою версию*.

Да, исследования самого неизведанного человеческого органа, белого, а точнее, серого его пятна. Всего-то килограмм с небольшим, а нате вам – загадка. Тыкаем в него пальцами, в надежде понять, как же он работает.

Итак, «круг Пайпеца», как его когда-то называли или лимбическая система – лабиринт структур переднего мозга: таламус, гипоталамус, поясная извилина коры и гиппокамп. Невероятно сложно и так же невероятно интересно. Нейросоматическая программа и, конечно же, «центр удовольствия». Религиозный экстаз, переживаемый верующими, шаманский транс и так далее. Быть может, та самая «кнопка», нажав на которую, можно увидеть господ бога? И поговорить с ним – о погоде на завтра, дате собственной смерти, Истине. Очередная иллюзия или истинная реальность?

Я пять лет бился над этой загадкой. Помимо прочего, при воздействии на лимбическую систему с помощью Установки с целью искусственного усиления ее активности, совершенно случайно был выявлен следующий эффект: улучшение показателей так называемого энергетического поля всего организма («прочищение чакр», если можно так выразиться). Дошло до того, что «чистить чакры» повадились все сотрудники пятого сектора, «мозговики». Шутки шутками, но я всерьез задумался о том, как же это мы все жили с прежними своими показателями – не то что совершенно скудными, а попросту ущербными. А ведь ущербны ВСЕ, кроме детей до шестилетнего возраста, да и то...

Так я вплотную подошел к своей версии. Вот только испытать это не представлялось мне возможным. Никакому естествоиспытателю-добровольцу, буде таковой нашелся бы, объяснить то, что ему надлежало исследовать, было невозможно: словами истолковать свою версию я еще как-то сумел бы, но КАК именно надлежало работать мозгами в камере Установки я рассказать бы не смог... Увы, данный эксперимент представлялся мне возможным лишь в собственном исполнении. Но до сих пор я не набрался мужества пойти на этот отчаянный шаг. Ведь кто знает, что меня ожидало? Причем как в случае успеха, так и в противном случае...

Поэтому об этой моей версии никто в институте, как говорится, ни сном, ни духом... Может, оно и к лучшему. Похоже, день, когда я мог позволить себе такой эксперимент, настал. Даже не позволить, нет. Ведь по сути, это был мой единственный шанс спастись. Или...

...Вот черт, ну неужели нельзя добраться до КЩ?

Я отыскал в лаборатории Фридлянда телефон и снова попытался вызвонить хоть кого-нибудь. И, как и в первый раз, никто не ответил. Создавалось впечатление, будто наверху все вымерли. Бред... А охрана? А штат основного корпуса, в конце концов? Ведь он находится на изрядном отдалении от входа в наше «святое подземелье». Теперь – в топку ада. И в этой топке сижу я. Как на зло – единственный. А вдруг попросту началась война, и нас бомбили? Или очередной террористический акт, чтоб им провалиться...

Я в последний раз выглянул на лестницу и решительно стал спускаться вниз, на минус десятый.

Здесь было тихо и уютно. Вентиляция давно не работала, но электричество было, а это для Установки самое главное.

Я выключил все освещение, запустил программу и залез в камеру. Теперь предстояло самое трудное: отключиться от всего. Даже в обычное время это было непросто и удавалось не всегда, а тем более сейчас, когда еще немного и рванет в третий, быть может, последний раз...

Хоть это и было необязательно, я сел в «лотос» и сосредоточился на дыхании. Диафрагма вверх – вниз. Вверх – вниз. Нет мыслей. Нет зрительных образов. Сознание чисто. Только жгучее намерение прорваться, пройти сквозь эту размытую стену, дверь, или чем она там являлась в моем сознании. В сознании всех тех, кто подходил к ее порогу, и тем более тех, кто его преодолел. Нет мыслей...

Нет...

нет...

не...

...Он плыл по тонкому ослепительно белому лучу света. И луч этот самым обыкновенным образом проходил сквозь него. Он вообще был словно бы нанизан на этот луч, как бусина на нитку. И скользил по этой ослепительной нити, и была эта нить нескончаемо длинной. Так он плыл по лучу-нити, и об этом движении нельзя было сказать, что оно долгое: не было у этого скольжения такого качества, оно просто было и все. И это ощущение отсутствия времени кончилось тогда, когда он почувствовал вдруг, что луч-нить стал холодным. Сначала ему было просто зябко скользить по нему, потом он стал жечь его изнутри. И он даже не мог бы сказать, ледяным он был, или огненно-раскалённым...

...Он очнулся от жгучего холода. Вернее, не то чтобы очнулся, но вернулся к ощущениям своего тела. Он пребывал в полубморочном состоянии, то выныривая на поверхность некой новой реальности, то снова уходя на дно небытия. Он помнил, что рядом кто-то был: его тормозили, что-то говорили. Вначале все это имело поток тактильных ощущений пополам со странным знанием того, что им интересуются и одновременно боятся. Потом эта боязнь исчезла. Вероятно, к нему привыкли. Мучительное ощущение холода тоже прошло – он согрелся, но тут стали доступны другие, доселе притупленные чувства. Ему было плохо. Притом, что он понимал, что с ним творится нечто непонятное и надо как-то возвращаться к действительно-

сти, вернуться туда он не мог, будто обычные механизмы пробуждения повреждены и не слушаются его. И тут он вдруг вспомнил о пожаре в институте. Обрывки видений стали тесниться в его загнанном сознании, еще более вгоняя его в хаотичные метания. Ему чудилось, что он предпринял еще одну попытку прорваться сквозь огонь наверх, к контрольному щиту, спасительному контрольному щиту. Он слышал новые взрывы и все ждал того, самого последнего, что свергнет весь поселок и многие километры вокруг в ад кромешный, но его будто бы все не было, и он с удвоенной энергией поднимался по задымленным лестничным маршам вверх и удивлялся, что огня все не видно, хотя ему и было нестерпимо жарко и душно. Он будто бы слышал сверху чьи-то шаги и кричал им о необходимости добраться как можно скорее до КЩ, и сам бежал все дальше, и не обнаруживал ни людей, ни очаг пожара. Паника в его душе росла, он сбился со счета всех этих подземных уровней, с ужасом понимая, что пробежал никак не меньше ста этажей, но все никак не может добраться до цели. Он продолжал слышать чьи-то шаги, и даже голоса, и все кричал им, срывая горло, о КЩ, но...

Кошмар продолжался.

17 (Семнадцать)

1 (Один)

Элоин, дочь слепого друида Бройхана, навсегда осевшего после изгнания в Холодных Лесах, нашла Идущего Вспять в сугробе абсолютно голого и решила, что это труп. А когда различила, что он дышит, потащила в избу к отцу.

Старый Бройхан ничуть не удивился ноше своей дочери, будто ждал появления странного человека в деревне. Мало того, что пришелец оказался без одежды на страшном морозе, он и сам выглядел не по-здешнему. Даже без помощи дочери Бройхан знал, что чужеземец был роста большого, кожей бел, как у тех, кто не совершал Исхода из Семиречья, но волосом черен, хоть и остриженный.

Вдвоем они долго боролись за его жизнь, часто выслушивая бред на незнакомом языке.

– Чьего племени этот человек? – спрашивала отца Элоин. Бройхан качал седой головой и говорил странные слова:

– Такого племени еще нет на земле.

Они отпаивали его молоком и отварами мудрого Бройхана. А он метался в бреде целый месяц, то горя как огонь, то обливаясь ледяным потом. А после открыл глаза и увидел красавицу Элоин.

– Как тебя зовут? – спросил Идущий Вспять спекшимися губами незнакомым ей русским языком, но она ответила:

– Элоин, дочь Бройхана Изгнанного.

– Элоин... Какое красивое имя, – сказал он и тут же вскинулся: – КЩ! Реактор заглушили? – и так и не дождавшись ответа, уснул впервые за долгое время настоящим сном, приносящим облегчение.

– Отец, – позвала Элоин Бройхана, – нашему Кашею лучше.

Так он получил первое из своих новых имен.

Это были потомки Ариев – тех из них, что совершили великий Исход, бережно пронеся с собой предания Вед.

Бройхан Изгнанный с дочерью осел на этой чужой ему земле после того, как унес ноги от прогневанных им кельтов. И прижился в холодных краях, заняв место чаровника и шамана. Все, что у него осталось от прежней жизни, была дочь, ступившая на эту землю еще подростком, и встретившая чарующее девичество уже на новом месте, среди приютившего их народа. И очнувшийся Идущий Вспять, впервые открыв глаза после неистовой борьбы на краю, увидел самое прекрасное лицо на многие мили вокруг.

Встать сразу ему не удалось – он был очень слаб. Проведя, как мог, собственное обследование, он пришел к выводу, что выжил чудом. Даже и теперь, несмотря на усилия Бройхана и его дочери, было непонятно, как душа держалась в теле – был он чрезвычайно худ и не мог первое время даже самостоятельно сесть. Однако еще одно обстоятельство было им также уяснено: а именно то, что ему очень повезло не просто оказаться найденным во время стужи в снегу, но и быть вверенным такому человеку, как Бройхан Изгнанный. Старый друид, как и полагалось исстари, был не только целителем, но и мудрецом.

Несколько недель Идущий Вспять мог наблюдать со своего места в углу избы не так много. Кроме скромной, но отнюдь не убогой обстановки жилища Бройхана, его самого и его прекрасной дочери, он часто видел лица селян, приходивших посмотреть на неведомого чужака. И лица эти были от испуганных и удивленных, до угрюмых и смешливых. Он привык к этим экскурсиям и начал выделять среди посетителей многих и кивал им как старым знакомым. Прислушиваясь к ведущимся разговорам, он незаметно выучил сразу два языка – тот, на котором разговаривали между собой отец и дочь, и тот, при помощи которого общались они

же с остальными селянами. Не только между этими двумя языками отмечал он общее: язык здешних людей, вернее, многие отдельно взятые слова были знакомы Идущему Вспять и это был санскрит, когда-то давно изучаемый им мимоходом с чисто практической целью в бытность постижения джняна-йоги. Легенда о происхождении Вед придвинулась к нему вплотную, обретая плоть, и он ощущал ее живое дыхание на своем лице.

Бройхан Изгнанный и Элоин пользовали его уверенно и деловито, и помимо чисто оздоровительных практик, старый друид подолгу беседовал со своим подопечным, совсем, впрочем, не интересуясь тем, как именно Идущий Вспять оказался в их местах. Идущему Вспять казалось, что это не просто неинтересно старику: тот попросту *знал*, откуда явился пришелец. Однажды, когда старик в очередной раз массировал своими чуткими руками его ноги и спину, Идущий Вспять спросил:

– Скажи, Бройхан, почему ты не спрашиваешь, откуда я пришел в ваши края?

Старик помолчал, продолжая гулять пальцами по телу Идущего Вспять, а потом сказал:

– Спрашивать значит не знать. Мне нет надобности справляться у тебя об этом. Да и не *откуда* ты пришел, а *из когда*.

Идущий Вспять промолчал, внутренне соглашаясь со стариком.

Когда Идущий Вспять окреп настолько, что уже мог самостоятельно вставать, он немедленно, улучив момент, когда остался в доме один, принял позу лотоса, но как глубоко не медитировал, не мог изменить того, что с ним случилось. Через неделю бесплодных попыток он обратился к друиду, веря в то, что тот его поймет.

– Бройхан! – сказал Идущий Вспять, когда Элоин не было дома. – Я очень хотел бы вернуться туда, откуда пришел.

Бройхан Изгнанный с сожалением покачал головой:

– Боюсь, что об этом тебе еще очень рано говорить.

– Потому, что я еще не совсем здоров? – с надеждой в голосе попробовал уточнить Идущий Вспять. Бройхан опять покачал головой:

– Дело не в этом. Скоро ты будешь совсем здоров, но даже тогда тебе вряд ли удастся проделать то, что привело тебя к нам.

– Но почему, Бройхан?! – в отчаянии сжав кулаки, спросил Идущий Вспять и тут заметил, что слепой друид повернул к нему голову, как если бы хотел на него посмотреть, и действительно смотрит на него, но все же не так, как обычно глядят друг на друга люди: обращенные внутрь глаза Бройхана просвечивали его насквозь. Старик прикрыл веки, а когда вновь открыл, его глаза были прежними – направленными в никуда.

– Твоего *свечения* недостаточно, даже чтобы оказаться в соседней деревне, – сказал старик. – И я думаю, что тебе что-то помогло очутиться у нас.

– Так и есть, отец... – горько кивнул Идущий Вспять.

Великим утешением от невозможности вернуться домой была любовь Идущего Вспять к Элоин. И то, что она ответила ему взаимностью...

Друид Бройхан Изгнанный вел со своим неожиданным учеником не то что беседы, но некие диалоги-лекции, из которых Идущий Вспять узнавал многое, одновременно открывая для себя, что обречен не знать еще больше. Редкому ученому – антропологу ли, историку или лингвисту, либо еще кому-нибудь – выпадала подобная великая удача, какая выпала Идущему Вспять: слышать живой человеческий голос, повествующий о множестве вещей, канувших в Лету, и оставивших потомкам лишь черепки от знаний сродни зыбким неверным теням на полуразрушенных стенах, прошедших сквозь века.

Тайна снов и обманчивость человеческого восприятия, скрытая сила ветра и воды, возможность видеть не только с помощью глаз и понимать, исключая деятельность мозга – такова была наука старого друида Бройхана Изгнанного. И наука эта, удивительным образом вытес-

няя академический груз знаний Идущего Вспять, перетекала в него и он чувствовал, что она оседает не только в мозгу, необъяснимым образом проникая в его кости и самую плоть.

– *Тело знает*, – часто говорил Бройхан и Идущий Вспять чувствовал, что это было именно так.

Через четыре года Идущий Вспять уже помогал Бройхану и вместе с призыванием дождя либо суши ходил в соседние селения пользоваться больных. И возвращался уже не просто домой, к учителю, но и к молодой жене – прекрасной Элоин, обещавшей принести первенца уже после зимы.

В тот раз он повернул к дому раньше намеченного срока – сердце подсказало недоброе. И уже издали ветер донес до него черную весть – тяжелый и стойкий запах гари.

...Страшные люди в звериных шкурах, носящих на головах рога, разорили деревню дотла. Этот их поход вышел неудачным, и, придя в деревню, где давно не было ни мора, ни иных напастей, они решили принести своим многочисленным богам достойные их жертвы – человеческие. Старый Бройхан не смог провидеть недоброе будущее, поскольку за несколько дней до набега проклятых северных кочевников слег, сильно простудившись...

Жутко кричал у черного от свежей крови капища Кашей, прося прощения у ушедшей от него навек возлюбленной, принесенной в жертву беспощадными вандалами. Кричал и клялся отомстить.

Очнувшийся от жара Бройхан Изгнанный тщетно пытался отговорить обезумевшего зятя от черной мести.

– Уходи из этих мест, Кашей, – говорил Бройхан Идущему Вспять. – Не засоряй свой разум мщением. Ты можешь уйти далеко. Твое свечение еще слабо, но близко отсюда, у большой реки есть скалы, и среди них одна – огромный кристалл белого цвета. Каждый год, в летний солнцеворот можно пройти землю насквозь подобно молнии и выйти с обратной ее стороны, в богатых и вечно теплых землях. Уходи туда, Кашей, начни другую жизнь. Не твори рек крови, не прибавляй черных дел...

Идущий Вспять молча слушал как мольбы, так и подробные наставления угасающего от горя и старости Бройхана Изгнанного, но так ничего и не обещал ему до самой его смерти. Уцелевшие сельчане, с которыми он так долго жил вместе, тоже просили его, но о другом: не покидать их. Однако Идущий Вспять сделал по-своему. Не вступая ни с кем в разговоры, с черными, ввалившимися глазами на худом лице, он готовился к далекому походу.

И однажды поутру, предав огню тело учителя, на черном коне, в развеваемом плаще, но безо всякого оружия, он умчался сквозь леса, так ничего и не сказав на прощанье бывшим односельчанам.

1 (Один)

2 (Два)

На берегу могучей реки, которую через несколько веков назовут Дунаем, в укрепленной по всем правилам воинского искусства крепости, пережидали зиму сотни бесстрашных воинов, набегов которых боялись самые храбрые воители того времени.

Однажды вечером, когда мороз окреп настолько, что деревья в лесу стали трещать, в ворота крепости постучал черный всадник на черном коне. Обычно в крепость не пускали чужаков, но вид всадника был настолько необычен, а глаза его горели таким неистовым огнем, что его пропустили к верховному воителю крепости.

Идущего Вспять провели в дальние покои, где жарко горел огонь в очаге и пахло не только пищей, но и драгоценными восточными благовониями. Повинуясь знаку, поданному главой крепости, проводники вышли, оставив просителя один на один с хозяином. Так мог позволить себе поступить либо глупец, либо настоящий воин. Идущий Вспять опустился на одно колено и, склонив голову, сказал:

– Я много знаю о твоей доблести и доблести твоих воинов, но мне неизвестно одно: твое имя.

Предводитель воинов неприступной крепости откинул с головы капюшон и ответил:

– Меня зовут Велена, и если ты не сможешь убедить меня, что твое присутствие в крепости для меня полезно, твой конь уйдет отсюда налегке.

Идущий Вспять поднялся с колен и в его взгляде Велена не заметила ни глупой самоуверенности, ни страха.

– Я не боюсь смерти, предводительница женщин-воительниц. Сперва я потерял свой дом и соотечественников, потом возлюбленную, так и не принесшую мне ребенка, и уже после покинул меня мой учитель. Я пришел просить тебя и твоих воинов пойти вместе со мной к логову проклятых для меня племен, которые совершают опустошительные набеги на земли моего народа.

Велена удивленно подняла густые красивые брови:

– Не ослышалась ли я? Ты, кого я вижу впервые, пришел предложить мне стать наемницей? Мне, амазонке?

– Именно потому, что ты амазонка я и пришел к тебе.

– Почему мои воины – лучшие на этой земле – должны служить тебе? Разве у тебя есть матка, и ты умеешь дарить жизнь так, как это умеет каждый воин этой крепости? Разве у тебя есть сосцы, могущие вскормить дитя? Или ты думаешь, что ты ровня мне и моим воинам только тем, что можешь держать в руках оружие и умеешь убивать? Но имеешь ли ты на это право – отнимать жизнь? Если ты не можешь дарить жизнь, то и отнимать ее ты не вправе.

– Ты права, Велена. В одном только ты ошиблась: так же, как я не могу даровать жизнь, я не умею держать в руках оружие и убивать.

– Так ты даже не воин? – по-настоящему удивилась Велена. – Кто же ты тогда?

– Я ученик друида: лекарь и заклинатель стихий. Все то время, что я жил на земле, я старался помогать людям. Но сейчас прошу об обратном...

– Нанимая воинов, им принято платить, – сказала Велена. – Чем собираешься заплатить ты? Уж не зачатием ли девочек? – она презрительно усмехнулась: – Даже на это порой не способны твои соплеменники-мужчины.

Идущий Вспять пропустил злую насмешку мимо ушей и голос его ничуть не дрогнул:

– Мой учитель, друид по имени Бройхан Изгнанный рассказал мне о тайных вратах, способных перенести человека в благословенные земли, сродни тем, куда принято уходить воинам, погибшим в праведном бою. Там всегда тепло и земля богата дарами. Это все, что я могу предложить тебе и твоим воинам в качестве платы.

– Но почему ты решил, что мы согласимся покинуть наш дом и уйти в те благодатные земли, о которых ты говоришь? Или ты возомнил, что знаешь о сокровенных мечтах женщин? – сказала амазонка, и ее глаза грозно сверкнули. Идущий Вспять негромко, но отчетливо ответил:

– Живя так, как живете, вы обрекли себя быть чужими на этой земле. Вас уважают, но это почитание зиждется на страхе и ненависти, которую питают к вам все окрестные народы. – Он усмехнулся: – Мужчинам не нравится, когда их ни во что не ставит женщина. Тем более, если она умней, сильней и выносливее.

– Ты мужчина, и значит, думаешь также, – почти угрожающе сказала Велена. Идущий Вспять покачал головой:

– Это не так. Мужчины заблуждаются по-своему, вы – по-своему. Нужно жить иначе.

– Может быть, ты знаешь – как?

– Нет. Но я любил умную женщину. И не променял бы ее ни на одну другую. А что касается тебя и твоих воинов, то недолго уже то время, когда соседи поднимут против вас оружие. И гордая крепость будет окружена.

Велена мрачно слушала, а Идущий Вспять продолжал говорить медленно, будто читая неведомый, одному ему известный текст:

– И дни защитниц крепости будут сочтены. И предводитель воинов-мужчин предъявит ультиматум, принуждая их сдаться. Но гордые амазонки отвергнут его и покинут крепость для последнего боя. Но никто из них не выйдет из того боя живой.

Велена не отрываясь смотрела в глаза странного человека, а тот добавил ровным голосом:

– Вместо хоть и славной, но все-таки смерти я предлагаю легендарный поход и исчезновение из этих мрачных холодных мест в одночасье.

Бесстрашная воительница Велена не сразу ответила незнакомцу в черном плаще и с горящими глазами. Когда огонь в очаге стал задыхаться, она подбросила поленьев и сказала совсем другим голосом:

– Назови свое имя.

Идущий Вспять поклонился и ответил:

– Мой учитель и его односельчане называли меня Кашей.

Амазонка взглянула на Идущего Вспять с интересом.

– Тебе рассказал о нас твой наставник? – спросила она.

– Нет. Никто не говорил мне о тебе и твоих воительницах.

– Как же ты узнал о нас? И откуда ты можешь знать, какая судьба достанется нам? –

Велена больше не допускала пренебрежения в своем голосе.

– Я умею слушать Тишину, – ответил Идущий Вспять.

Велена указала ему место у огня, села неподалеку и сказала:

– Расскажи мне о своей беде, Кашей.

Люди на берегу смолили вытащенные на отмель лодки, когда со стороны поселка раздался тревожный звук рога.

– К оружию! – понеслось отовсюду, и люди кинулись к мечам и топорам, оставленным неподалеку от костров с ненужными теперь котлами с кипящей смолой. Разобрав оружие, воины бросились в сторону деревни, когда навстречу им выбежал из лесу человек с обезумевшим взглядом.

– Что случилось? – окликнули его. Человек замер, с трудом узнавая окруживших его собратьев.

– Воины Кашея! – прошептал он в ужасе и упал вперед лицом, давая возможность всем увидеть красную стрелу, торчавшую у него из спины. Люди вздрогнули и тотчас же совсем рядом раздался легендарный боевой клич воинов Кашея, Разрушителя капищ.

... Два с лишним года страшное войско бороздило леса вплоть до дюн Холодного моря, наводя ужас на разбойные северные племена. Древляне, хоть и не терпели урона от воинов беспощадного предводителя бесстрашного войска, тоже боялись его, потому что Кашей, появлявшийся в деревнях, освобождал пленных, коих находил, непременно разорял кумирни с идолами и велел человеческих жертв не приносить. Грозное войско неустанно прочесывало леса, и только осенью о них не было слышно, но непонятно почему черного всадника в развевающемся плаще, подобном крыльям коршуна, считали пленником зимних богов, таких как Карачун, Трескунец и Зимерзла. Уцелевшие кочевники, на которых нападало его войско, утверждали, что Кашею неведома смерть, и сам он бесстрашен настолько, что, возглавляя войско, никогда не бывал вооружен. Многие поговаривали, что смерть свою он прячет на далеком острове, и вид она имеет не то зайца, не то птицы – такую, дескать, и вовсе не возьмешь. За это и прозвали Кашея Бессмертным.

Идущий Вспять действительно поначалу искал смерти.

– Ты что же, задумал умереть до срока расплаты? – спросила его тогда же Велена, которой надоело приставлять к нему для охраны нескольких амазонок. – Без тебя мы вряд ли попадем в обещанную тобой чудесную землю.

Идущий Вспять вынужден был согласиться и даже стал брать уроки ведения боя у той же Велены. Однако в бою ничто не могло побудить его искать менее опасные участки сражения.

Они надолго очистили леса от набегов со стороны северных морей, и слава Кашея шла далеко впереди него, а также задерживалась позади дольше обычного.

Предводительница амазонок, прекрасная Велена влюбилась как девчонка в черного человека с горящим взглядом, которым был в то время Идущий Вспять. Однажды она предложила ему разделить с ней ложе.

– Даже если родится мальчик, я обещаю оставить его у себя и воспитать как истинного воина, – сказала она своему возлюбленному. Идущий Вспять лишь покачал головой:

– Прости, храбрая Велена. Я не смогу подарить тебе свою любовь – мое сердце принадлежит другой, пусть ее и нет больше на этой земле.

Прекрасная Велена стойко перенесла эту рану, и даже самые приближенные ее воительницы не сумели бы уличить свою властелину в такой постыдной слабости, какой была любовь к мужчине, а значит, недочеловеку. Однако за те месяцы, что этот чужак провел среди них, он стал им близок, как только брат может быть близок своим сестрам.

Вместе с ними терпел он все невзгоды жестоких походов и в бою не смел прятаться за их спинами. Он лечил их раны и вместе с остальными оплакивал павших. После обычных весенних утех, когда амазонки допускали к себе мужчин из числа пленных или свободных, Идущий Вспять спас нескольких женщин во время тяжелых родов. Однако находились среди них и те, кто роптал на такую близость к ним мужчины. Лишь срок расплаты примирял недовольных с ненавистным племенем, без которого они могли бы обойтись, если бы гордый род женщин не нуждался в рождении девочек, будущих непобедимых и совершенных воительниц. И все-таки великие и суровые женщины-воины привыкли к этому странному мужчине, отвергавшему их ласку, но уважавшему их так, как ни один мужчина, встреченный ими прежде.

И они продолжали преследовать ненавидимые им племена кочевников, поклонявшихся, как и все остальные, многочисленным божествам и творившим ради них кровавые человеческие жертвоприношения. И мало кто из преследуемых узнавал в бесстрашных воинах Кашея женщин.

– Вы хотели человеческой крови? Так получайте ее – она вытечет из ваших собственных вен! – часто раздавался голос страшного Кашея. И никто не видел слез, что катились порой из его глаз и смешивались на щеках с его потом и кровью его врагов.

Но однажды занесенный меч замер в руке Кашея Бессмертного. Перед ним на земле лежал ожидающий смерти варвар, одетый в шкуры зверей, потерявший свой шлем с обрубленными рогами. Но этот разбойник прижимал к груди ребенка, стараясь его спасти.

– Чей это ребенок? – задерживая последний удар, почему-то спросил Кашей Бессмертный.

– Мой, – ответил поверженный враг. И меч дрогнул в руке Кашея и он снова стал Идущим Вспять.

– Домой, – сказал он тогда своим воинам.

В канун летнего солнцестояния у скал, среди которых была скрыта от посторонних глаз белая глыба, стояло лагерем войско легендарных амазонок, волею судьбы почти три года возглавляемого мужчиной по имени Кашей Бессмертный.

– Ты пойдешь с нами? – спросила Велена Идущего Вспять. Тот покачал головой:

– Даже если бы я хотел этого, твоим сестрам это вряд ли понравится. Я останусь здесь. Мое сердце слишком холодно для той теплой земли.

Велена последний раз пристально взглянула в непроницаемое лицо возлюбленного, чтобы потом долгие годы хранить в сердце память о нем.

Историческая справка

Во времена Конкисты – период кровавых походов по Южной Америке в поисках возжеланной страны Эльдорадо – испанцы часто слышали от индейцев о таинственном племени женщин, живущих в уединении и нуждающихся в обществе мужчин лишь раз в году. Женщины эти, по словам индейцев, были великолепными воинами, в доблести своей превосходивших самых лучших индейских воинов-мужчин.

Один из отрядов золотоискателей, возглавляемый лейтенантом Орельяной совершил сплав по одной из рек, пока течение не вынесло их плоты в другую реку – большую и полноводную. Лейтенант торжественно нарек ее в свою честь – Рио-Орельяна.

Местные жители твердили, что этими землями владеют женщины-воительницы, которым индейцы платят дань. Испанцы не дорого оценили эти слова, пока не убедились в их правоте. Амазонки не только принимали от индейцев мзду, но и приходили им на выручку, как вышло и в тот раз, поскольку о приближении чужеземцев им сообщили индейские лазутчики.

Монах-доминиканец по имени Гаспадре Карвахаль, бывший участником той экспедиции, записал в своем отчете, что на зов лазутчиков явилась дюжина женщин, бившихся так отчаянно, что в бою каждая из них стояла десятка индейцев-мужчин. Монах указал также, что явившиеся воительницы были сильны, обнажены и светлокосы.

Открытая испанцами река не сохранила первоначального названия и в историю вошла как Амазонка.

До сих пор на территории Южной Америки остается множество мест, куда не ступала нога исследователя. Например, есть такое «пятно» размером с небольшое европейское государство на границе Перу и Боливии. Некоторые путешественники утверждают, что там обитают амазонки. Индейцы окрестных племен называют их «уру» и говорят, что их предводительницы знают толк в колдовстве.

2 (Два)

4 (Четыре)

Его свечение уже позволяло ему совершать удивительные шаги, и один такой шаг мог равняться тридцати годам. Но он не спешил, ибо уже понял, что дома, к которому он поначалу так стремился, более не может быть на этой земле.

Идущий Вспять стал вечным странником, и отныне его приютом было то место, где расстился его походный плащ.

Сперва он шагнул через Гибралтар, и некоторое время провел неподалеку от гор Атласа, преграждающих путь ветрам, несущим иссушающей зной Сахары. Он учился у черных колдунов Магриба, зажигающих свои масляные фонари и видящих в их свете то, что оставалось скрытым от праздных человеческих глаз.

Он жил среди берберов и других кочевых народов Африки и однажды пересек великую пустыню, научившись в ней не просто выживать, но жить и видеть дыхание этой жизни повсюду среди песков. И жизнь эта не нуждалась в солнечном свете, воздухе и воде, находясь по ту сторону всего этого, и, однако же, проникая всюду, где жили те, кому все вышеперечисленное было необходимо.

Египет подарил ему тайны пирамид, в которых он узнал великие *противовесы* древних народов. И народы эти знали толк в равновесии той земли, на которой им довелось жить, и с лица которой не единожды им приходилось стирать свои диковинные следы.

С год он прожил в стране Эранвеж, позже известной как Иран, бок о бок с суровыми богобоязненными огнепоклонниками, коих в свое время пытался наставить на истинный путь мудрец и маг Заратуштра, но не преуспел в том, угодив всего лишь в сонм местных святых и породив многочисленные бессмысленные обряды. (Так, верно, обезьяны вскрывали бы кокосы при помощи оброненного проезжим исследователем микроскопа.) Оберегание огня от скверны (прежде всего от соприкосновения с мертвечиной, что считалось смертным грехом), четкое разделение мира на добро и зло, и иные глупости приводили Идущего Вспять в недоумение и досаду. Но ярость в нем зажглась по иной причине.

По законам зороастрийцев женщина в период месячных считалась нечистой (что, впрочем, было нормой и среди других народов). Но только огнепоклонники в это время, и без того очень непростое для женщины, принуждали ее жить в жутких, специально для этого выстроенных склепах, где невозможно было не то что выпрямиться в полный рост, но даже лечь, вытянув ноги. Мало того, роды считались самым страшным актом осквернения, в этот период с несчастной нельзя было даже разговаривать, не то что прикасаться к ней, а о родовспоможении невозможно было и помыслить. В течение нескольких дней – в жару ли, в холод, – в крайне ветхой изношенной одежде (осквернять новую было нельзя), терпели страшные муки зороастрийские женщины, ожидая окончания либо месячных, либо родов и послеродового периода – причем вместе с новорожденными, без всякой помощи извне и даже слов поддержки.

Идущий Вспять, ничуть не боясь возникшей угрозы быть побитым камнями, но опасаясь самому в гневе придушить богочестивых вандалов, предпочел уйти от греха в иные земли.

По пути он представлял себе, как, взявши за бороды местных мужчин, вытрясает из них их убогое величие и убеждения в своем превосходстве на том лишь основании, что они имеют пенис вместо вагины, а из них сыплется – за неимением лучшего – лишь перхоть и насекомые и тут его гнев сменялся ужасом. Он вдруг понял, что этим только обратил бы против себя их несчастных жен, наверняка не пожалевших жизнью, чтобы вырвать своих драгоценных угнетателей из рук чужака.

Что он мог им дать? Свободу? От чего – от собственного идиотизма? Дай урожденному рабу свободу, и он умрет от ужаса, ибо не наделен умением выбирать. Он всю жизнь был лишен этого права, за него всегда все решали и лишь говорили, *что* делать. Знает ли раб, что ему

нужно, кроме миски с едой и места для ночлега? Умеет ли он, кроме умения слушать других, слушать себя, но делать это настолько тонко, чтобы не превратиться из раба в быдло, могущее получать лишь то, что захотелось его телу? Дай рабу власть, и он в лучшем случае сделает рабами всех остальных, а в худшем попытается всех осчастливить.

Кто же научит их быть свободными? – мучительно думал Идущий Вспять, уходя все дальше от дикого племени. Где тот пример, что обратит на себя их упертые в землю взоры? Как объяснить им, что в этом мире все они наделены одинаковым правом – *правом на выбор*. И свобода начинается именно с этого – с умения выбрать единственно правильный путь. А когда уже идешь по этому пути, с которого нельзя свернуть, познаешь другую, страшную истину – что в этом мире свободы НЕТ. И в действительности она начинается где-то за его закаменелыми пределами. И только в этот момент человек становится поистине свободным – свободным от невежества.

Но как, как им это объяснить?! И нужно ли это делать?..

Он не знал.

Индия была средоточием негромкой мудрости, где он задержался дольше обычного, чуть-чуть не застав в живых благословенного учителя, когда-то носившего царственное имя сына правителя народа сакья, Сиддхартхи Гаутамы. Рассудив, что этой встрече не суждено было случиться, Идущий Вспять не стал огорчаться тому, что ему не довелось сесть у ног Учителя, внимая мудрым словам.

Он примыкал к первым буддийским общинам, впитывая мудрость людей, обречших себя на добровольное нищенство в пользу духовного богатства, и долгое время провел в размышлениях и медитации. Повторяя путь Благословенного, Идущий Вспять многие месяцы провел среди йогов всех направлений, существовавших к тому времени. Он испытывал свое тело на выносливость и развлекался обычным среди йогов-мистиков фокусом с левитацией, который меньше всего мог быть назван фокусом.

Там же, в Индии, в Варанаси – городе, возле которого Будда провел свою первую проповедь, и куда приходили теперь первые буддисты, дабы не только поклониться святым местам, но и умереть, – Идущий Вспять впервые увидел, как от оставленного душой тела отделилось искрящееся облачко. Сначала он решил, что это ему только привиделось, но из-за большого скопления умирающих смог убедиться, что это не так: от каждого холодеющего тела отделялось подобное облачко и рассыпалось в вышине. Потом Идущий Вспять смог наблюдать обратный процесс.

Это случилось, когда он однажды вечером стал случайным свидетелем того, как молодая пара предавалась обоюдным ласкам, предшествовавшим тому, отчего впоследствии рождаются дети. Ласки в конце концов уступили место соитию, и тогда уже своими вздохами и влажными ритмичными звуками молодые люди вконец прогнали сон Идущего Вспять и он, недовольный, ушел прочь. Спустя несколько дней он встретил девушку, которая в тот раз была со своим возлюбленным, и тут же стал свидетелем невероятного события: на нее опустилось невесть откуда взявшееся облачко – почти такое же, что отделялось от умирающих людей, только тусклее. Идущий Вспять восторженно: он понял, что стал свидетелем таинства прихода в этот мир нового человека.

Потом он научился находить новые воплощения умерших людей, используя для этого своего энергетического двойника, образуемого во сне. Это новое умение полностью поглотило его, пока однажды возле Ганги, он не встретил старую женщину. По внешнему виду Идущий Вспять был одной с ней касты, поэтому, увидев его, женщина обратилась к нему с вопросом.

– Я не могла встретить вас где-нибудь раньше? – спросила женщина, вглядываясь в его лицо и мучительно напрягая свою память. Он тоже попробовал что-нибудь вспомнить, но тут

же в ужасе отпрянул назад: это была Элоин, дочь Бройхана Изгнанного, его красавица Элоин. Вернее, то, что когда-то было ею...

– Что с вами, добрый человек? – напряжение в ее лице, изборожденном морщинами, сменилось испугом. – Не вы ли мой сын, которого я потеряла давным-давно?

Она протянула к нему иссохшие руки, но он только отступал все дальше и, наконец, побежал прочь от реки.

Эта женщина была очередным воплощением его далекой и потерянной возлюбленной. Его внутреннее знание не могло уже быть обманутым ни чужим лицом иной расы, ни другими внешними атрибутами человеческого бытия – это была *она* и Идущий Вспять долго не мог успокоиться и в конце концов покинул Индию, стараясь в движении обрести нарушенное равновесие.

Он перешагнул Гималаи и Тибет, ощутив присутствие в горных толщах некогда грозных великанов, утомленных прежним своим существованием на этой планете и пребывающих в вечном ожидании неведомо чего. Он был слишком занят своими переживаниями, чтобы ближе познакомиться с этим таинственным хранилищем, предвещающим вход в страну избранных, Шамбалу. После, после – шептал он в забытии и очутился в другой стране, не менее удивительной. Это было Срединное государство, Поднебесная, или, на языке варваров, живущих за ее пределами – Китай.

С тех самых пор, как великан Паньгу, рожденный вместе с Небом и Землей, завоевывая жизненное пространство, отделил одно от другого за неимением прочего своим телом, человек, появившийся позже, был обречен на внутренние противоречия. И, сказать по правде, именно живущим в нем противоречиям он и был обязан своим существованием в этом мире, где земля была ничем иным, как слепком неба (последнее, впрочем, не брался проверить никто, ибо зачем проверять то, что и так не вызывает сомнений?)

Единственным человеком, которому приписывалась вселенская мудрость, был Император, хотя именно отсутствие этого качества он демонстрировал самым фактом своего высокого положения, так как польстившийся на власть умным человеком быть не мог. И об этом знали те немногие истинные мудрецы, не привыкшие быть на виду.

Последователи великого Лао-Цзы, которого упорно ставили у истоков Даосизма, вволю набаловавшись доразвиванием из неблагородных металлов золота и потеряв к этому интерес, приступили к изготовлению из киновари, мышьяка и других пугающих элементов эликсира бессмертия. В то время, когда одни возились с ретортами и тиглями, другие практиковали алхимию «внутреннюю», создавая подобный эликсир в собственном теле из соков организма и энергии. Они достигали невероятного, аккумулируя в себе внутреннюю силу всеми доступными способами – в том числе в ходе сексуальных практик, достигая оргазма без потери семени, а также отказываясь от пищи и питаясь чистой ци, растворенной в воздухе и в связи с этим перестав быть людьми в обычном понимании этого слова. Однако множество именно человек, отягощенных желаниями разбогатеть и обессмертить не тело и сознание, а собственное имя, подобрали брошенные даосами реторты и спешили провозгласить себя алхимиками, всего лишь получив из горстки растертых минералов змеиную кожу, или даже золото (зачастую завладев философским камнем, с помощью коего и изготовлялся сей металл). За что и были тотчас привлекаемы во дворцы к императорам, жаждавшим бессмертия, поскольку имя, власть и богатство у них уже были, а снаряжаемые морские экспедиции для поисков чудесного острова бессмертных Пэнлай не спешили возвращаться, ибо боялись императорского гнева. Поэтому эти экспедиции и предпочли остаться на японских островах, где ни источники с чудодейственной водой, ни сами бессмертные обнаружены не были, зато оказалось возможным жить без указующего перста императора. (Впрочем, без собственного правителя они обходились недолго.)

Во дворцах трудились, не покладая рук и не отходя от тиглей шарлатаны, пичкая императоров плодами своих поисков, отчего те не то чтобы обретали бессмертие, но уходили в мир иной, после чего горе-алхимик предавался в руки палача, на трон взбирался очередной император, а у тиглей с ретортами принимался колдовать следующий соискатель славы.

Идущий Вспять, будучи далек от всей этой суеты, экспериментировал со всем, чего касался его разум, не останавливаясь ни на чем подолгу, а уж тем более навсегда (что в его случае вовсе не было фигурой речи).

Он жил в Поднебесной, жадно впитывая древние знания, подолгу оставаясь в тени, и не торопясь делиться своими приобретениями с кем бы то ни было, следуя одному из принципов тех же даосов: «знающий не говорит, говорящий не знает».

Однако он регулярно ввязывался в какие-нибудь истории, порождая очередную легенду и озадачивая будущих исследователей старины.

Давно потеряв интерес к золоту, а к эликсиру бессмертия и вовсе будучи равнодушным, Идущий Вспять решил позабавить себя созданием андроидов. Следуя опыту божественной Нюйвы, сестры и одновременно супруги великого мудреца Фуси, согласно китайской мифологии слепившей первых людей из глины, он воссоздал подобное существо, которое и послужило ему с год, таская за ним его книги (с которыми он в ту пору еще не расставался) и выполняя мелкие поручения.

В определенный момент, ощутив, что вновь переполнен, и желая немедленно испытать что-то еще, он позволил себя выследить соглядатаям тогдашнего правителя Поднебесной, и предстал перед ним по липовому обвинению в иностранном шпионаже. Кстати, тогда он выглядел как истинный уроженец Срединного государства (что, конечно же, никак не могло являться поручительством в его благонадежности). Опровергая обвинения, он как бы невзначай упомянул о своем слуге-андроиде, коего незамедлительно нашли и доставили в канцелярию, где и была выявлена магическая суть этого слуги. Разыгрывая из себя хранителя великой тайны, Идущий Вспять позволил подвергнуть себя нескольким пыткам, в числе которых было закачивание в кишечник через анальное отверстие тридцати шэнов² воды. Свой гомерический смех он маскировал под безудержный плач и, решив, что достаточно заморочил головы палачам, согласился работать на императора.

Император Цинь Шихуанди слыл весьма грозным и жестоким правителем. Заботясь о размерах своих владений, он собирал разрозненные княжества Срединной Империи, таким образом обретая славу объединителя Китая, а также считался одним из строителей Великой Стены – абсолютно бесполезного сооружения. А вдобавок ко всему Цинь Шихуанди был одержим идеей вечной жизни.

Готовясь к этому со всей тщательностью, он решил загодя стать обладателем несокрушимой армии абсолютно преданных воинов, и прознав про искусство Идущего Вспять, повелел изготовить десять тысяч терракотовых солдат. Но перед этим приказал сделать одного, дабы убедиться, что перед ним не очередной шарлатан. Идущий Вспять велел дать ему глины и слепил нечто похожее на человека, но ростом чуть выше колена, сославшись на то, что глина оказалась никуда не годной. Затем Идущий Вспять обжег глиняного уродца, раскрасил красками, и соорудил ему подобие одежды из дюжины шелковых платков. После этого на листе рисовой бумаги он начертил тушью несколько странных иероглифов, затем совершил с этого листа смыв, выпил воду, и дунул в отверстие, имитирующее рот глиняной куклы. На глазах изумленного императора андроид начал жить, поминутно доказывая своему создателю – Идущему Вспять – безмерную преданность, и через два дня погиб под колесами повозки. Демонстрация удалась, Цинь Шихуанди повелел нанять множество глиномесов и другого мастерового люда, а также доставлять лучшую глину отовсюду, где она была.

---

² шэн – около 0,5 литра воды

Все время, пока ваяли воинов, Идущий Вспять жил во дворце, предоставленный сам себе, и не терял времени даром, совершенствуя тело и дух. Помимо него во внутренних покоях дворца содержались те же горе-алхимики. Идущий Вспять тайно посмеивался над императором, не догадывавшимся об остальных его искусствах и продолжал регулярно инспектировать глиномесов и скульпторов.

Через три года было готово две армии, и одну из них, в составе нескольких тысяч пеших воинов и кавалеристов, вооруженных мечами, арбалетами и копьями, а также имевшей несколько колесниц, по четверке глиняных лошадей в каждой, спрятали под землей в грандиозной шахте, тщательно скрыв все следы небывалого тайника и снабдив вход ловушками из нескольких самострелов.

Как ни пытался Идущий Вспять спасти строителей, все они во избежание раскрытия тайны были казнены императором. Поняв, что он зашел в своей забаве чересчур далеко, Идущий Вспять дал себе тайную клятву покарать Цинь Шихуанди, приговорив его к смерти.

В день, на который была назначена инициация малой и явной части армии, Идущий Вспять попросил бумаги и тушь с кисточкой и написал тайное заклинание. Императору надлежало повторить то, что когда-то на его глазах проделал сам Идущий Вспять, а именно лично зачитать текст перед своей терракотовой армией, а затем, прогнав воду по листу с текстом, выпить сей эликсир и вдохнуть жизнь в глиняных воинов. Цинь Шихуанди, справедливо опасаясь отравления, отказался, на что Идущий Вспять заметил, что в этом случае глиняные войска после оживления станут слушаться того, кто проделает все вышеописанное. В доказательство же абсолютной безвредности процедуры, он на точно такой же бумаге и той же кистью и тушью написал несколько иероглифов и, совершив смыв, выпил воду. Через некоторое время император, убедившись, что мастер жив и здоров, проверил воду с помощью серебряной пластинки, а также приказал своему евноху сделать глоток этой же воды. Пластинка не потемнела, исключая наличие в воде яда, и евнох оставался жив, прождав целый час с завязанным ртом и носом (дабы не осмелился даже дышать в сторону ожидающей оживления армии). Император, убедившись в безвредности предстоящей ему процедуры, торжественно влил в себя эликсир, однако его выдох не только не был направлен в сторону терракотовых фигур, но вообще оказался последним в жизни – Цинь Шихуанди умер от удушья, с ужасом глядя на своего палача. Потрясенные вельможи велели схватить убийцу, но были удивлены еще больше, увидев, как Идущий Вспять буквально растаял в воздухе.

Среди поднявшейся суматохи лишь двухтысячная армия воинов не двинулась с места, так и оставшись сборищем глиняных истуканов.

Историческая справка

В 1974 году близ города Сиань (провинция Шэньси) была случайно обнаружена подземная армия терракотовых солдат. Около 8000 воинов (вместе с боевыми лошадьми), сделанных из обожженной глины, раскрашенных и одетых, были вооружены настоящим оружием. Не было найдено ни одного одинакового лица, каждое сделано тщательно, в соответствии с канонами тогдашнего скульптурного мастерства.

Хроники повествуют, что император Цинь Шихуанди пожелал жить вечно, для чего держал во дворце молчаливых ученых, готовивших для него эликсир вечной жизни. Всех сомневающихся он немедленно предавал казни. Подробности смерти самого Цинь Шихуанди в хрониках не указаны, однако известно, что приближенные императора долго не решались на церемонию погребения: тело умершего водрузили на трон, где он продолжал давать молчаливые аудиенции вельможам.

Лишь спустя месяц придворные осмелились предать тело своего императора земле.

4 (Четыре)

6 (Шесть)

Подобно монахам Тибета, которые каждый тулку далай-ламы – очередное его воплощение – находили и с детских лет вновь и вновь ставили во главе буддийской общины, Идущий Вспять мог абсолютно точно знать, в чьем теле находится в данный момент времени то, что некогда составляло личность его возлюбленной – прекрасной Элоин. Уходя из Китая, Идущий Вспять был преисполнен твердого намерения встретиться с ее очередным воплощением.

Так нужные следы привели Идущего Вспять в Палестину.

Не было ничего удивительного в том, что всякий еврей – в большей или меньшей степени, – непременно почитал своего единого бога, священное имя которого было Элохим. Ведь именно Творец обещал вместе с освобождением из египетского рабства землю, на которой мог теперь родиться и умереть всякий еврей, и которую каждый из них мог бы назвать Родиной. Одно это не могло не тронуть сердец народа, который привык за все платить, а также не упускать своего. Предложение Элохима пришлось очень кстати, ибо само слово «еврей» означает путешественника, того, кто пересекает границы. Одним словом, скитальца.

Впрочем, по сути, обещания так и остались невыполненными: попирая слово израильского бога, иные, обойденные и потому не избранные им народы, сердито отпихивали настырных бродяг от земли, где «текло молоко и мед». (К слову, все это текло там отнюдь не везде, да и не так, чтобы много.) Тем не менее, скитальцы плакали, жаловались своему Элохиму, даже дрались с нежелающими потесниться, однако никуда не уходили и, даже уводимые в плен, упорно возвращались на обещанные земли. Не даром на перстне, принадлежавшем царю Соломону, была выгравирована надпись, молчаливо гласившая: «Все пройдет». Однажды, доведенный до отчаяния, Соломон сорвал с руки перстень и швырнул в сердцах оземь. Но сейчас же подобрал, ибо на обратной его стороне успел разобрать другую блеснувшую надпись. Вглядевшись ближе, изумленный царь прочел: «И это тоже пройдет». Так гласит предание. И верно, «бенеи Исраэль» – сыны Израиля – были упрямы и терпеливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.